

УДК 811.133.1'366.581

**НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕГО СТАТУСА В ЯЗЫКЕ****С.К. ГУЩЕНКО***(Полоцкий государственный университет)*

Обосновывается положение о тесной взаимосвязи языковых сущностей и человеческого мышления. Раскрываются понятия объективного времени, настоящего говорящего и грамматической категории времени. Исследуется проблема соотношения грамматического и физического аспектов момента речи. Проводится краткий обзор теорий, интерпретирующих статус формы настоящего времени во французском языке. Морфонологические теории указывают на фонологическую немаркированность грамматической формы настоящего времени. Психологические теории связывают значения данной формы с особой ролью говорящего. Теория высказывания выявляет зависимость функционирования формы настоящего времени от условий коммуникации. Выявляется роль говорящего субъекта в формировании значений настоящего времени в высказывании. При соотношении физического настоящего времени и грамматической формы его выражения решающая роль отводится говорящему, который может придать настоящему минимальную протяженность и расширить его до неопределенных границ. В зависимости от ситуативных, пространственных и субъективных факторов выделены три типа настоящего времени – узкое, расширенное и широкое.

Введение. Отражение объективного времени в языке происходит в предметно-пространственных и событийно-временных категориях, которые находят свое выражение в высказывании. Необходимым условием функционирования высказывания является присутствие производителя речи (говорящего), а также фиксация периода объективного времени, в течение которого высказывание имеет место (момента речи). Наиболее прямое языковое отражение момента речи – глагольная форма настоящего времени изъявительного наклонения *le Présent de l'Indicatif*.

Исследованию грамматического содержания настоящего времени (НВ) посвящен ряд работ в отечественной и зарубежной лингвистике [1 – 4]. Наибольшее признание в лингвистике получила трактовка НВ как немаркированной формы, значение которой определяется временной соотносительностью с моментом речи и описывается в терминах «одновременности», «синхронности» к последнему.

Существуют, однако, различные интерпретации как содержания данной временной категории, так и маркированности ее формы. Это обусловлено прежде всего многообразием значений, приписываемых форме НВ: кроме своего непосредственного назначения (описание фактов действительности в момент речи говорящего) она употребляется в контексте будущего и прошедшего времени, используется для обозначения узуальности и обобщенности; ей также приписывают модальные значения (выражение просьбы, приказа).

Сложностью онтологической сущности и особым статусом настоящего времени в языке объясняются, на наш взгляд, настойчивые попытки интерпретации данной категории. Спорный характер многих вопросов, связанных со значениями формы НВ и соотносительностью ее с объективным временем, разнообразие мнений не позволяют считать НВ исчерпанным объектом грамматического анализа.

В данной работе представляется важным положение о тесной взаимосвязи языковых сущностей и человеческого мышления. Настоящее время выступает посредником между окружающей действительностью и субъективным отражением ее в сознании говорящего. При соотношении физического настоящего времени и грамматической формы его выражения решающая роль отводится говорящему, который может придать настоящему любую протяженность.

Цель исследования – определение статуса настоящего времени в связи с его способностью по-разному соотноситься с обозначаемой реальностью, а также выявлении роли говорящего субъекта в формировании значения настоящего времени в высказывании.

Основная часть. Язык обладает сложной системой различных средств для выражения временных отношений – идея времени содержится в грамматических формах глагола, наречиях и придаточных предложениях времени, некоторых лексемах.

Совокупность элементов, имеющих отношение к представлению понятия времени, принято называть лингвистическим (или языковым) временем.

Изучение лингвистического времени сводится к трем основным направлениям: формальному, семантическому, функциональному.

Формальное направление – это подход традиционной грамматики, согласно которому грамматическое время имеет формальный способ выражения (спряжение глагола) внутри другой грамматической категории, характеризующей глагол – наклонения. Синтаксические признаки глагола (лицо, залог, переходность) дополняют и конкретизируют его временное значение.

Семантическое направление связывает выражение времени в языке с особенностями человеческой психики. Человек может постигнуть время только через сенсорно-моторное восприятие действия. Его сознание структурирует полученный опыт в представления и человек выстраивает определенную временную систему для данного действия. Поэтому с этой точки зрения лингвистическое время определяется как языковое представление реальных временных характеристик в конкретной ситуации: «*Le temps linguistique est une construction-représentation qui structure l'expérience du continuum temporel dans le même instant qu'il exprime*» [5, с. 447].

Критикуя традиционное определение глагола, который выражает и действие, и сочетание, и связь субъекта с признаком, П. Шародо выделяет общий концепт, описывающий то, что происходит во времени и пространстве – процесс. Французский ученый предлагает рассматривать процесс по различным параметрам: по отношению к его участникам (*actancialisation*), по степени осуществления действия (*réalisation*), в зависимости от стадии протекания процесса (*accomplissement*), в соотношении с количеством времени, необходимым для реализации данного действия (*extension temporelle*), в его соотношении с моментом речи говорящего [5]. Такой всесторонний анализ протекания реальной ситуации более полно и объективно определяет категорию времени в языке.

Не менее значимым является *функциональный подход*, разрабатываемый рядом отечественных ученых [1; 6 – 8]. Функциональная грамматика ставит целью отразить роль говорящего, как «важнейшую сторону его мыслительно-речевой деятельности – движение от смысла, который он хочет выразить, к реализации этого намерения в конкретном высказывании» [6, с. 6]. Благодаря выделению функционально-семантического поля (то есть языкового представления «соответствующих семантических категорий в упорядоченном множестве разноуровневых языковых средств и их функций» [6, с. 34]) изучение двух основных аспектов языка – семантического (лексического) и формального (грамматического) – осуществляется на основе их взаимодействия, что обеспечивает адекватность средств реальным условиям функционирования языка.

Несмотря на столь различные интерпретации лингвистического времени, все три подхода объединены общей мыслью – значение времени выражается языковыми единицами различных уровней, среди которых грамматический уровень, представленный формами глагола, занимает центральное место. Периферийные элементы могут показывать различные физико-психологические характеристики действия, организовывать высказывание, учитывать присутствие участников речевой деятельности. К таким средствам обычно относят:

- семантику глагола;
- хронографические и хронометрические элементы, указывающие на объективное время и устанавливающие длительность события;
- хронологические компоненты, передающие либо относительную последовательность событий;
- контекст и другие элементы, несущие идею времени.

Но вместе с тем благодаря своей «гибкости» и наличию развитой системы морфологических категорий глагол является идеальным средством для передачи различных характеристик и оттенков действия, характера протекания и развития его фаз, активности и инактивности субъекта и т.д. [8].

В любом языке система времени строится вокруг грамматической формы настоящего времени, которое, однако, становится настоящей головоломкой для исследователей. Первое и самое главное затруднение заключается в многообразии значений, возникающих в форме НВ. До сих пор нет уверенности в том, что возможно составить исчерпывающий список его употреблений. *La Grammaire Larousse du français contemporain* выделяет 12 значений данной формы, М. Гревисс – 6, Р. Вагнер рассматривает 16 употреблений, которые сводит затем к 9 основным случаям. Закономерны сомнения о возможности свести все смысловые модификации к единому базовому значению, которое не противоречило бы всем другим употреблениям НВ.

Вторая трудность затрагивает вопрос о взаимоотношениях физического настоящего и времени вообще, а также о взаимосвязи первого с НВ грамматическим. Лингвисты спорят о возможной длительности настоящего времени – реального периода высказывания говорящего: это может быть физическое настоящее время – простая точка, соединяющая прошлое и будущее; оно может выступать и как психологическое настоящее – промежуток времени определенной длительности, включающий момент высказывания, в течение которого происходит восприятие человеком стимула, реакция на этот стимул и возможное ее выражение [9, с. 99]. Стремясь преодолеть трудности и дать наиболее адекватное объяснение па-

радоксу НВ, ученые обращаются к различным областям науки (референциальной, семиологической, психологической, фонологической и т.д.) и предлагают различные теории НВ.

Морфонологические теории

При сравнении форм прошедшего, настоящего и будущего времени было отмечено, что форма НВ не имеет специальной морфемы, которая выражала бы ее темпоральные признаки [10]:

j'aimais [ε]–*j'aime* [ø]–*j'aimerai* [r].

Такая «беспризнаковость», неопределенность НВ в отношении темпоральности лежит в основе морфонологических теорий, изучающих закономерности использования «фонологических ресурсов в процессе построения грамматических форм» [10, с. 91]. Морфонологические теории используют, в основном, понятие приватной оппозиции Н.С. Трубецкого – оппозиции, один из членов которой характеризуется наличием отличительного признака, другой – его отсутствием. Первый член оппозиции определяется как признаковый (маркированный), второй как беспризнаковый (немаркированный).

В зависимости от интерпретации значения нулевых морфем, выделяются две радикальные точки зрения на беспризнаковость НВ:

1) «минималистский» подход провозглашает отсутствие значения без формы. Обязательное условие выделения нулевой морфемы не соблюдается в случае НВ: отсутствие формального признака у формы НВ никогда не замещалось положительным показателем. Этот факт дает основание утверждать, что НВ не является временем, несущим свое собственное значение;

2) «максималистский» подход противостоит первой точке зрения: нулевая морфема рассматривается не как отрицание формы, а как составной элемент в системе других морфем. Поэтому НВ принадлежит системе времен, и его форма имеет свою смысловую нагрузку.

Базируясь на этих подходах и пытаясь найти решения, которые более адекватно отражали бы реальную ситуацию, ученые предлагают ряд других интерпретаций.

Анализируя систему времен французского глагола, А. Бурже выделяет 3 группы оппозиций, имеющих в основе 3 фонологические корреляции:

- 1) формы без суффикса -ε- – формы с суффиксом -ε-;
- 2) формы без суффикса -r- – формы с суффиксом -r-;
- 3) простые формы – сложные формы.

Настоящее время, будучи простой формой без суффиксов -ε- и -r-, выступает как немаркированный член во всех трех корреляциях, противопоставляясь имперфектным, будущим и сложным прошедшим временам. Так, А. Бурже доказывает актуальное значение формы НВ, выражающее совпадение со временем высказывания (акта речи). Для объяснения других временных значений этой формы, ученый определяет следующую взаимосвязь членов корреляции: немаркированный член не отрицает оппозиционный признак, а включает его, добавляя значение противоположности. Исходя из этого принципа, теория А. Бурже достаточно ясно объясняет различные временные значения НВ: совокупность признаков прошедшего, актуального и будущего, заключенных в самой форме, позволяет употреблять ее в любом контексте [10].

Теория Р.О. Якобсона достаточна близка к предыдущей точке зрения. Общее значение коррелятивных категорий ученый интерпретирует следующим образом: «...если категория I указывает на наличие А, то категория II не указывает на наличие А, иными словами, она не свидетельствует о том, присутствует А или нет» [10, с. 211]. Таким образом, немаркированный член – отсутствие «сигнализации» признака А. Однако в определенном контексте реализуется частный случай употребления данной категории: нейтральное значение немаркированного члена становится отрицательным, и тогда «категория II все же сигнализирует отсутствие А» [10, с. 211]. Различные сочетания нейтрального и отрицательного значения дают набор значений формы НВ, употребляющихся в различных контекстах, например:

Présent actuel = «*affirmation de non-passé*» + «*affirmation de non-futur*»

Présent atemporel = «*pas d'affirmation de passé*» + «*pas d'affirmation de futur*» [11, с. 83].

Теория Р. Якобсона пытается «примирить» максималистский и минималистский подходы и выработать общую точку зрения на проблему НВ.

Итак, морфонологические теории рассматривают НВ как атемпоральную форму, которая, будучи «нейтральной» по отношению к контексту, выражает факты, относящиеся к разным периодам временного континуума, в том числе и все временные обобщенные ситуации.

Психологические теории настоящего времени

Сторонники психологического подхода критикуют традиционную лингвистику за недостаточное внимание к внутренней организации языка, к тому, что происходит в сознании человека, независимо от того, вовлечен он в речевую деятельность или нет. Так, Г. Гийом, основатель психомеханики, причину различной «архитектуры» времен в различных языках видит не только в их различном механическом

развитии, но и в психологических особенностях говорящих как носителей данного языка. Он считает, что для изучения языка в реальных условиях его функционирования, нужно исходить из его потенциального состояния в сознании человека и рассматривать поэтапно механизм его актуализации в речи [12].

Согласно французскому ученому, говорящий выстраивает в своем сознании настоящее время, соединяя две частицы времени: хронотип w , означающий только что ушедшее мгновение и отделяющий настоящее от прошлого; и хронотип α – ближайшее мгновение, отделяющее настоящее время от будущего. Хронотипы различны по своей природе: частица w , относящаяся к прошлому, обозначает время, которое действительно имело место (*chronotype réel et décadent*); частица α принадлежит будущему и вводит виртуальное, еще не реализованное действие (*chronotype virtuel et incident*) [12, с. 52]. Наличие этих двух частиц – обязательное и достаточное условие для формирования настоящего времени и для отделения его от прошлого и будущего: «...réunies ces deux parcelles ne peuvent donner que du temps qui sera ni futur, ni passé, c'est-à-dire présent» [12, с. 52].

Между хронотипами α и w складываются «кинетические» отношения – они постоянно сменяют друг друга и тем самым отражают восприятие времени субъектом как текущего, движущегося. Кинетизм настоящего времени связан со «стремлением общей анонимной мысли представить презенс как можно более узким» [13, с. 186], объединяющим последнее мгновение прошедшего и первое мгновение будущего. Физическое настоящее время превращается в точку, однако она не разрывает и не останавливает ход времени, а, наоборот, объединяет моменты прошлого и будущего. Условная граница между ними становится горизонтальной, что более удачно передает идею целостности настоящего и отсутствия разрыва во времени [13, с. 186].

Критикуя гипотезу Г. Гийома, К. Туратье сомневается в верности восприятия настоящего. Он отмечает, что объективно, математически это верно, но с точки зрения психики субъекта каждое проживаемое им мгновение является настоящим, его границы размыты, и, следовательно, психологически неверно связывать, а тем более строить его из прошлого и будущего [11, с. 78].

Представляется, что замечания лингвиста могут быть верны для самого минимального отрезка – вертикального настоящего времени, воспринимаемого и выделяемого субъектом как его актуальное, наиболее узкое настоящее. При обозначении же больших отрезков времени, говорящий осознанно включает в понятие настоящего времени либо прошлое, либо будущее, либо обе временные эпохи, что определяется его интенциями и реальной ситуацией, которая представлена в высказывании.

Итак, для объяснения проблемы грамматического НВ психологические теории прибегают к базовому определению НВ: действие в НВ составляет актуальность говорящего (включающую время высказывания), а также то, что он к ней относит. Актуализация происходит либо в памяти человека (для прошедших событий), либо в его воображении (для представления будущего). Другими словами, любая ситуация может быть представлена говорящим с помощью формы НВ, главное, чтобы она была соотнесена им с собственным актуальным временем.

Теория высказывания

Объясняя существование различных временных и аспектуальных значений НВ, теория высказывания связывает их не с формой глагола, а с высказыванием в целом. Высказывание *énonciation* как речевой акт определяется совокупностью факторов, главным из которых выступает непосредственная соотнесенность с действительностью. Ситуация коммуникации со всеми ее элементами, характеристиками, связями, условиями общения образует структуру и семантику конкретного результата речепроизводства, единицы речевого общения *énoncé*.

Согласно К. Туратье, НВ возникает в высказывании при наличии определенных условий: контекста, ситуации, референциальных отношений и т.д.: «...c'est l'énoncé au présent qui serait situé dans le temps par l'une au l'autre de ses données énonciatives[...], soit un élément de son contexte antérieur, soit la situation énonciative elle-même dans laquelle il apparaît, soit enfin la situation référentielle désignée par son contenu» [11, с. 87]. При этом наличие тех или иных элементов придает форме НВ определенное значение. Так, актуальность она приобретает только при синхронности времени высказывания *énonciation* и времени высказывания *énoncé*, а также при возможности непосредственной референции. Если речевой акт не содержит контекстуальных элементов, указывающих на конкретные пространственно-временные отношения, то НВ получает всевременное, гномическое значение. В совокупности с соответствующей ситуацией *énoncé* допускает форму НВ в значении прошлого и будущего [11]. Таким образом, теория высказывания устанавливает основные закономерности и условия функционирования различных значений НВ в зависимости от ситуации.

Главным и, видимо, единственным ориентиром, с помощью которого говорящий «единообразно и в системе может обозначить в языке время совершения реальных действий реального мира» [1] является момент его речи. По мнению А.В. Бондарко, это коммуникативно-речевой центр временного дейксиса,

функция которого состоит в отражении и закреплении в языке отношений, возникающих в процессе коммуникации [6].

Момент речи сложен по своей структуре – являясь конкретным воплощением физического времени говорящего, он включается во время высказывания (*énonciation*) и представлен в грамматическом времени высказывания (*énoncé*). Кроме того, момент речи обладает уникальным свойством – совмещать в себе язык (виртуальную систему знаков) и ее актуализацию в речи через говорящего: «*L'instant linguistique inclut une certaine binarité: une parcelle correspondant à la langue (c'est-à-dire à la virtualité) et une autre correspondant au discours (à l'actualité)*» [14, с. 285]; момент речи выступает референциальной точкой для определения и систематизации всех остальных временных ситуаций.

Если грамматический момент речи – понятие абстрактное, выполняющее свою функцию (устанавливать общее значение временных форм), то момент высказывания – конкретен и вступает в определенные отношения со временем говорящего.

Будучи объективным периодом физического времени, настоящее осознается и переосмысливается говорящим субъектом и начинает зависеть от него, подчиняясь его воле; понятие «теперь» соответствует неделимому отрезку времени, в течение которого человек уделяет особое внимание какому-либо явлению, проявляет так называемый «актуальный интерес». Протяженность настоящего времени говорящего может соотноситься как с самой малой частью времени, так и с неопределенным его количеством.

Анализируя понятие протяженности настоящего, А. Жакоб выделяет три ее фазы:

- микрохронию, или оперативное мгновение (*instant opératif*) – едва уловимый отрезок, в течение которого происходит актуализация языковой единицы из виртуальной системы языка;
- мезохронию, или малую длительность (*petite durée*), которая соотносится со временем речевого акта;
- макрохронию, или большую длительность (*grande durée*), которая соотносит момент речи с отрезками исторического порядка – час, день, месяц, год и т.д., которые являются актуальностью говорящего в зависимости от ситуации [14].

Настоящее время может обладать разной физической протяженностью, но оно обязательно составляет часть актуальности говорящего. Понятие актуальности определяется, как правило, взаимосвязью трех семантических полей – пространства, времени и представления («таким образом») – при центральной позиции говорящего субъекта:

«Здесь» (*hic, ici*) обозначает конкретное расположение говорящего в пространстве. Пространство «здесь» может быть большим или меньшим в зависимости от желания человека и от того, что он принимает за «не-здесь»: *ici, chez moi, à Paris*.

«Сейчас» (*nunc, maintenant*) – это и есть настоящее говорящего, момент или период времени, обладающий некоторой протяженностью и включающий в себя и время высказывания (момент речи), которые находятся в прямой зависимости от воли субъекта, так как он сам «устанавливает момент речи и сам же собирает те или иные временные формы в процессе индивидуального акта общения» [1, с. 73]. Говорящий реализует длительность речи не произвольно, а в соответствии с фактами реальной действительности, о которых идет речь. Именно здесь мы обнаруживаем поле представления «таким образом» (*sic, ainsi*), которое обозначает способ отражения окружающего мира в сознании говорящего и степень участия последнего в описываемой ситуации.

Представим возможные типы взаимодействия этих составляющих.

1. Говорящий называет действия, которые он выполняет в оперативное мгновение настоящего (*instant opératif*). Такая точечная ситуация совпадает с личным пространством говорящего и моментом его речи. Говорящий / *Enonciateur* производит в момент высказывания речевой акт. Такая ситуация представляется как узкое настоящее (*le présent étroit*). Например: *Je ne vous permets pas! protesta Mme Lagruelle. Trente ans de fidélité...Je vous remercie!* (Bazin).

2. Производитель речи может описывать ситуацию, которая реализуется в его поле зрения как наблюдателя. Говорящий (в данном случае *locuteur*) называет последовательность точечных действий, которые производятся в пределах пространства «здесь» в течение малой длительности (*petite durée*) настоящего времени. Чаще всего это ситуации прямого репортажа, в которых говорящий выступает в качестве комментатора, например, спортивного матча. Называемое действие синхронно моменту высказывания, но его длительность незначительно превышает рамки «мгновенности». Кроме того, вся ситуация, характеризуется определенной протяженностью, совпадающей со временем говорящего. Поэтому такие высказывания характеризуются «расширенным» типом настоящего (*le présent étendu*). Например: *Mais le milieu du terrain joue bien. Ray Wilkins passe à gauche. Trevor Brooking trouve son coup sur la ligne de but, le centre est dégagé de la tête par Vandereycken, Wilkins l'intercepte avant Van der Elst, amortit la balle de la poitrine... Ceulemans, qui la suit, reprend la balle... Le tir au but! Non! Il catapulte la balle au premier poteau...*

Эти ситуации детерминируются общностью пространства и времени. Их различие в качественной и количественной характеристике:

- в первом случае *énonciateur* называет свои точечные действия;
- во втором – *locuteur* описывает последовательность наблюдаемых точечных действий. Но обе ситуации имеют место в актуальности говорящего, совпадают со временем его речи и выражаются формой НВ.

3. Положение меняется как только у говорящего исчезает прямой доступ к источнику информации; говорящий субъект и описываемая ситуация лежат в разных плоскостях. Говорящий производит высказывание, исходя не из своего непосредственного восприятия, а на основе знания, личного опыта. Знание неотделимо от сознания человека, оно свойственно в каждый момент существования индивида, то есть постоянно находится в его актуальности. Следовательно, такие факты уже не соотносятся конкретно ни с прошлым, ни с будущим говорящего, но они реальны для его временной оси, а следовательно, соотносены и с моментом речи говорящего (у нас *émetteur*). Настоящее говорящего (*grande durée*) варьируется по протяженности в зависимости от ситуации. Оно приравнивается к некоторым отрезкам на временной оси, если действие имеет ограниченные временные рамки.

При максимальном расширении ситуации (обобщенность, гномичность) настоящее представляется прямой, параллельной временной оси. Тем не менее действие любой длительности условно соотносится с актуальностью говорящего и моментом речи через человеческое знание и является широким настоящим (*le présent large*). Например: – *Qu'est-ce qu'il fait, votre papa? – Il est tailleur. – Il coud des costumes.* (Anouilh). *Périmètre - ligne qui délimite le contour d'une figure plate.*

Итак, узкое настоящее характеризуется полным совпадением временных и пространственных параметров: время действия приравнивается к моменту речи, а говорящий является исполнителем действия. Расширенное настоящее базируется на отношениях «видеть» и «презентировать»: *énonciateur* и *locuteur* – два близких термина, обозначающих производителей речи в ситуации коммуникации. Настоящее широкое отличается различным пространственным расположением говорящего и описываемой ситуации. Он уже не наблюдатель, а рассказчик, и базируется не на перцепции, а на когнитивных отношениях: Говорящий «репрезентирует» ситуацию (то есть воспроизводит как реальные отсутствующий предмет или понятие), основываясь как на собственном опыте, так и на опыте других. Говорящий *émetteur* производит высказывание, в котором могут описываться неактуальные события, действия, удаленные в пространстве и во времени.

Различный статус говорящего проявляется и в плане выражения: для *énonciateur* – местоимение 1-го лица единственного числа *je*, для *locuteur* – местоимение 3-го лица, указывающее на одушевленный субъект; в роли *émetteur* могут выступать как субъекты, так и неодушевленные объекты.

Таким образом, три типа настоящего времени характеризуются значительными качественными и количественными отличиями, но имеют одинаковую форму выражения – грамматическую форму НВ.

Заключение. Трудности, возникающие на пути исследователей при анализе понятия настоящего времени, обусловлены многообразием значений, выражаемых грамматической формой НВ, а также сложными взаимоотношениями грамматического НВ, настоящего (перцептуального) времени говорящего и реального (физического) времени. В попытках найти наиболее адекватное толкование настоящему времени ученые вырабатывают различные теории, определяющие статус данной категории в языке.

Морфонологические теории, указывающие на немаркированность грамматической формы НВ, интерпретируют ее как атемпоральную временную форму, не несущую дейктического признака. С точки зрения психологической теории действие, обозначаемое формой НВ, составляет актуальность говорящего и всегда соотносится с моментом его речи. Теория высказывания выявляет зависимость функционирования данной формы от ситуативных условий, в которых производится высказывание, и определяет тесную взаимосвязь ее с говорящим лицом.

Отправным пунктом в определении настоящего времени выступает момент речи. В этом понятии выделяются физический (отнесенность к реальному времени) и грамматический (точка отсчета для системы грамматических времен) аспекты, сложные взаимоотношения которых фиксируются сознанием говорящего в виде трех сущностей: микрохронии (*instant opératif*), мезохронии (*petite durée*), макрохронии (*grande durée*).

Момент речи соотносится с понятием «сейчас», которое наряду с другими элементами («я» – «здесь» – «таким образом») детерминируют актуальность говорящего (его настоящее время). Различные способы взаимодействия этих составляющих ведут к выделению трех основных типов настоящего:

- 1) полное совпадение элементов «я» – «здесь» – «сейчас» в одной точке (*instant opératif*) определяет значение узкого настоящего; реализация понятия «таким образом» представлена активным участием говорящего / *énonciateur* как производителя действия;

2) при некотором увеличении временных и пространственных параметров (*petite durée*), а также роли говорящего / *locuteur* как наблюдателя мы получаем расширенное настоящее;

3) несоблюдение тождества дейктических компонентов ведет к выходу за пределы актуальности (*grande durée*) и образованию широкого настоящего, значение которого определяется знанием говорящего / *émetteur*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веденькова, М.С. Употребление временных форм по коммуникативным регистрам (на материале немецкого языка) / М.С. Веденькова. – Киев: Вища школа. Головное изд-во, 1981. – 96 с.
2. Гак, В.Г. Семантическое поле времени / В.Г. Гак // Логический анализ языка: язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 122 – 130.
3. Гловинская, М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм / М.Я. Гловинская // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – М.: Наука, 1989. – С. 74 – 145.
4. Pottier, V. *Semantique générale* / V. Pottier. – Presses universitaires de France. – Paris, 1992. – 237 p.
5. Charaudeau, P. *Grammaire du sens et de l'expression* / P. Charaudeau. – Paris: Hachette (éducation), 1992. – P. 443 – 770.
6. Бондарко, А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи Времени / А.В. Бондарко. – СПб., 1990. – 256 с.
7. Труфанова, И.В. Прагматика несобственно-прямой речи: моногр. / И.В. Труфанова. – М.: Прометей, 2000.
8. Тимошенко, Т.М. Прагматическая обусловленность выбора именного или глагольного средства языковой номинации / Т.М. Тимошенко // Вестн. Харьк. ун-та. Человек и речевая деятельность. – Харьков: Харьк. гос. ун-т, 1987. – № 312. – С. 50 – 53.
9. Mellet, S. *Le présent* / S. Mellet // *Travaux de linguistique. Le présent*. – Bruxelles: Editions Duculot, 2000. – № 40. – P. 97 – 112.
10. Якобсон, Р. Избранные работы / Р. Якобсон; пер. с англ., нем., фр. яз. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
11. Touratier, C. *Le système verbal français. Description morphologique et morphématique* / C. Touratier. – Paris: Masson & Arman Colin, 1996. – 242 p.
12. Guillaume, G. *Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps* / G. Guillaume. – Paris, 1968. – 200 p.
13. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом // Сб. неизданных текстов; подг. под рук. Р. Валена. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
14. Jacob, A. *Temps et langage. Essai sur les structures du sujet parlant* / A. Jacob. – Paris, 1992. – 693 p.

Поступила 20.12.2010

THE PRESENT TENSE: THE INTERPRETATION OF ITS STATUS IN LANGUAGE

S. HUSHCHANKA

The article considers the principles of close interconnection of language phenomena and human thinking. It reveals the interconnection between the physical present of the speaker and the grammar category of tense. The researcher analyzes grammar and physical aspects of the moment of speaking. The brief review of theories which interpret the status of present tense in French grammar is made. Morphological theories explain the peculiarities of present tense by the absence of phonologic oppositions. Psychological theories connect meanings of the form with the speaker's actuality. The statement theory gives the leading role to the conditions of communication. The given work determines the role of the speaker in the formation of present tense meaning in a statement. Correlating physical present moment and the grammar form of its expression, the decisive role is given to the speaker who can make the present tense of a minimal duration or expand it to its maximum. The author describes the three types (narrow, enlarged and large) of present tense depending on situational, spatial and subjective factors.